

КЕРСТИН
ХОЛЛ

РОМАН – ФИНАЛИСТ
ПРЕМИИ «НЕБЬЮЛА»
2025 ГОДА!

ГЛАШАТАЙ
ПЕЧЕВ

!
18+

Керстин Холл
Глашатай теней
Серия «Звезды новой фэнтези»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74014847

Глашатай теней: СПб; 2026

ISBN 978-5-389-33222-5

Аннотация

Чтобы выжить и не умереть с голоду, Карис Эска заключила контракт с Сабастером, жутким трехликим крылатым монстром, не ведающим ни милосердия, ни пощады. Взамен она получила дар общения с тенями умерших, сделалась глашатаем смерти, и это приносило ей стабильный доход и даже дало возможность обосноваться в столице. Но однажды жизнь ее переворачивается с ног на голову. Выполняя работу для местных контрабандистов, она случайно сталкивается в пещере с умирающим незнакомцем и, чтобы помочь ему, непреднамеренно связывает юношу со своей тенью. Карис не догадывается, что тем самым подвергает и себя и его страшной опасности, ведь юноша, сам не осознавая этого, хранит в себе тайну, ради которой явные и тайные силы мира сего готовы на любое злодейство...

Впервые на русском роман – финалист премии «Небыюла» 2025 года!

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	26
Глава 3	40
Глава 4	53
Глава 5	67
Глава 6	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

КЕРСТИН ХОЛЛ

ГЛАВАТАУ
ТАУТАУ

Керстин Холл

Глашатай теней

А эта посвящается мне

Kerstin Hall
ASUNDER

Copyright © Kerstin Hall, 2024

Published by permission of the author and her literary agents,
Donald Maass Literary Agency (USA) via Igor Korzhenevskiy
of Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

All rights reserved

© А. А. Кузнецова, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУ-
КА», 2026

Издательство Азбука®

Глава 1

Берег. Черный песок, мелкий, словно пудра, влажный блеск выброшенной на берег морской травы. Над беспокойными серыми водами тяжелые низкие тучи.

«Много людей встретили здесь свою смерть, – подумала Карис. Ветер с моря взъерошил ее темные волосы, и она плотнее запахнула пальто. – Насильственную смерть».

Корён Ослау наблюдал за ней, сунув руки глубоко в карманы и лениво пережевывая во рту порцию ооска. Бодрящую смолу он жевал с тех пор, как они покинули Сайкамит, и его чавканье уже достало Карис до предела. Он заметил ее недовольство и изогнул бровь.

– Ну?

Если совсем по-честному, Карис хотела тогда отказаться от работы. Хотела – и до сих пор хочет – послать Ослау прогуляться в море. Но этим она рисковала обидеть Маришку, а тех, кто впадал в немилость Второго мэра, как правило, находили плавающими лицом вниз в районе Медового рифа.

Кроме того, платили действительно хорошо, ничего не скажешь.

– Это здесь, – сказала она. – Возле пляжа случилось что-то кровавое. Вероятно, в течение последних трех дней.

– Это были наши парни?

– Возможно. С такого расстояния не скажу.

Он ухмыльнулся, обнажив перепачканные красным зубы.

– Тогда, полагаю, нам лучше взглянуть поближе? После вас, глашатай смерти.

Тропинка, спускающаяся на пляж, давно осыпалась. Ржавая осока и белоцвет пробивались сквозь тонкий слой почвы и шелестели на ветру. На камнях поблескивала соль. Карис выбирала путь по крутому склону с бездумной уверенностью, мысли ее витали далеко. Три часа добирались они до этой полоски берега. Целых три часа Ослау трещал, не умолкая, но так и не сказал ей, что они ищут.

«Кое-кто из хозяйкиных людей продолбал доставку, – только и буркнул он, уклончиво поведя плечом. – Она хочет, чтобы ты выяснила почему».

Карис это не нравилось, и с каждым шагом в сторону воды дурные предчувствия усиливались. Поверх шепота волн она различала низкое, нестройное гудение – словно от роя ос. Волоски у нее на руках и на загривке встали дыбом. Неизвестно, что означал этот шум, но в уши он лез, словно что-то живое.

Она оглянулась через плечо на Ослау. Тот, сосредоточенно прищурившись, с трудом пробирался вниз по тропинке, лоб у него блестел от пота. Похоже, он ничего не слышал. А это подразумевало... не жди ничего хорошего.

Тропа оканчивалась каменистой осыпью у подножия скал. За ней простирался безлюдный и нетронутый пляж, в воздухе густо висела кислая вонь гниющих водорослей. Из-под

ног у Карис брызнули мелкие меднокрылые мушки. А чаек нет, заметила она. Будь здесь трупы, без этих падальщиц не обошлось бы. Вокруг полосы берега горбились серые утесы, образуя подобие неровного грота.

– На сколько задержалась доставка? – окликнула она спутника.

– На два дня.

Сходится. Карис прошла чуть дальше и остановилась, прислушиваясь. Смерть липла к коже, словно мокрая тряпка.

– Сколько человек?

– От пяти до десяти. Возможны варианты.

А вот это, с другой стороны, ощущалось неправильным. Слишком мало. Нахмурившись, Карис закрыла глаза и вслушалась глубже, выискивая края Завесы и горьковато-яркий посвист застрявших воспоминаний. Она нащупала шов и чуть сдвинула поверхность реальности. Сквозь веки просочился молочно-белый переливчатый свет. Волны бились о берег, а странный гул все длился, упорный и неизменный.

Есть. Едва уловимый шепот, принадлежащий женщине.

«*Это там фонари?*» Пауза. Затем воспоминание перезапустилось и повторилось снова: теми же словами, тем же озадаченным тоном. «*Это там фонари?*»

За спиной у нее хрустел сапогами по песку Ослау. Карис не открывала глаза, продолжая слушать, но слышала только это – единственную ниточку воспоминания, последние слова

незнакомой женщины.

– Их застали врасплох, – сообщила она.

– В воде?

Вокруг ее ног зудели песчаные мухи. Карис помотала головой.

– Не думаю. Может, на мелководье, в зависимости от фазы прилива. Но точно за полосой прибоя.

«*Это там фонари?*»

– Все произошло так быстро, – сказала она. – Они даже испугаться не успели, просто... оторопели.

– Ты не можешь сказать, что их убило?

– Нет, без трупа не могу. – Она позволила Завесе упасть на место и открыла глаза. – Что здесь происходит, Ослау?

– Начинаешь бояться?

– Начинаю уставать от твоей болтовни. Что вы перевозили?

Он сложил руки на груди и нарочито медленно снова стал жевать оск. Карис мрачно уставилась на него, но его не проняло. В уголках губ притаился еле заметный намек на улыбку.

– Тебя это веселит? – спросила она.

– Я разве смеюсь?

– Люди погибли. Твои люди, если конкретнее.

Он приостановился, чтобы сплюнуть на песок размякший комок смолы. Достал из кармана новый шарик оска и закинул в рот. Продолжил жевать.

– Не суй нос в наши дела, глашатай смерти. Я думал, ты типа профессионал.

Нульер изобильная, он ее достал. Карис заставила себя разжать стиснутые челюсти. Дело было даже не в Ослау, по сути, а в задании в целом: вся эта секретность, Маришкин отказ поговорить с ней заранее и ощущение, что здесь случилось нечто очень неправильное. Порыв ветра сорвал с волн пену и хлестнул ею по воздуху. Ослау был прав, она боялась. Усилием воли Карис сбавила тон.

– Послушай, я всего лишь спрашиваю, мог ли их убить собственно груз. Вот и все.

Ослау с хрустом разгрыз твердый кусочек смолы, в раздумье поднял к небу глаза и пожал плечами.

– Сомневаюсь. Исходя из сказанного тобой – нет. Что еще ты чувствуешь?

«Слишком много народу для рутинной контрабанды». А значит, либо Ослау врет – что более чем вероятно, – либо кто-то наврал ему самому. Только на этой полоске берега умерли минимум восемь человек. Карис поджала губы и внимательно обвела взглядом воды.

– Тела могло смыть в море, – сказала она. – Но не все погибли здесь. Идем.

Чем дальше они шли по берегу, тем выше становились скалы. Темный песок был усеян морской травой, но ни отпечатков ног, ни иных признаков жизни не наблюдалось – кроме мух. И с каждым шагом гудение у Карис в ушах делалось

громче. Ослау тащился следом за ней, напевая себе под нос. Но даже его беззаботность казалась наигранной.

«Ты тоже что-то чувствуешь». У Карис зачесалась кожа. Она притормозила.

– Там.

Впереди доломитовая стена резко загибалась внутрь, образуя в основании чашеобразное углубление. Над усыпанным камнями песком висела тяжесть: бремя множества смертей, сумятица воспоминаний. Внутри скального изгиба притаился темный овал. Устье пещеры забилося водорослями и плавником, а с кромки свода бахромой свисала зеленая слизь. Гудение шло изнутри.

– Ничего себе! – воскликнул Ослау. – Нашла наш схрон.

– Что?

Он указал на вход в пещеру.

– Место, куда парни обычно складывают товар. Хозяйка делает выемку раз в две-три недели; выгоняет меня на рыбацкой лодке забрать добро. Тут портовым властям нас не достать...

– То есть ты знал, что это здесь?

– Ну да, это типа моя работа, логистика и все такое. Вот и прикидываю, успели ли парни прихватить с собой хоть что-нибудь из товаров, прежде чем тут кого-то замочили. – Заметив, что у нее с лицом, он вскинул обе ладони. – Шучу, шучу! Хотя не понимаю, что такого в желании извлечь пользу из ужасного положения.

Карис скрипнула зубами.

– Почему было не привести меня сюда с самого, прах подери, начала?

– Потому что это место типа «надо знать». А ты не знала. Но раз мы все равно уже здесь, хочешь заглянуть внутрь?

– Однозначно нет.

– Ой, да ладно.

– Я не намерена заползать в эту дыру, Ослау. В мои служебные обязанности это не входит.

– Конечно, но платят тебе за то, чтобы ты выяснила, что случилось. А там внутри, по всей вероятности, застрял труп. И морю сюда труднее добраться.

Карис снова перевела взгляд на узкое отверстие. Позади них бились о берег волны. Как ни противно, Ослау был прав.

– Трусиха. – Он с ухмылкой прошел вразвалочку мимо нее. – Я даже полезу первым.

– Какая доблесть!

Ослау присел на корточки, неуклюже впихнулся в щель и пополз на спине внутрь.

– Тебе будет интересно. – Он толкнулся вперед и исчез в дыре. Из темноты послышался его голос: – Такого ты точно не ожидаешь.

Карис оглянулась на пляж. Дневного света хватит еще на несколько часов, да и погода до вечера простоит... даже с задержкой они наверняка успеют попасть домой в Сайкамит до того, как разразится буря. Просто никак не получалось

стряхнуть ощущение надвигающейся беды.

– Эй! Глашатай! – проорал Ослау.

Она вздохнула и опустилась на четвереньки. Песок под ладонями был влажный и мелкий-мелкий, а камни оказались гладкими, словно полированный металл. Она подползла к щели, и температура резко упала. Проход перед ней тянулся футов на восемь, но уходил вниз под неприятным углом, и внезапно она поняла, почему Ослау полез туда ногами вперед. Похоже, сейчас она приземлится прямо лицом.

«Отличный способ закончить работу, – она вытянула руки перед собой, осторожно нащупывая путь, – расквасив нос».

Чавканье Ослау в замкнутом пространстве звучало еще громче. Вытянутые пальцы уперлись в плоскую, глянцевую поверхность, которая была холоднее воздуха. Плиты пола.

– Голову береги, – дружелюбно предупредил контрабандист.

Карис поднялась. Судя по сочившемуся через лаз свету и тому, как отдавались здесь звуки, помещение было невелико. Ее передернуло. Холод проникал через одежду.

– Парни наткнулись на это место пару лет назад. – Ослау неторопливо пошел вперед. – Поспрашивали в городе – толком никто про него не слышал, по крайней мере из тех, кого удалось разговорить, кроме нескольких краболовов из Скрипунов. А те сюда не сунутся; они и нас отговаривали, даже рассказывать о нем не хотели. Сморчки суеверные.

Он щелкнул пальцами. На стенах расцвел синий свет и

разбежался паутиной по проточенным в камне тонким канавкам. В несколько секунд вся камера осветилась.

– Тут было идеально, – продолжал он. – Мы поверить не могли, как нам повезло.

Карис заморгала от внезапного ледяного блеска. Маленькая промозглая камера имела причудливую форму – полированные каменные стены изгибались, словно замерзшие волны. Скалу пронизывал звонкий холодный свет.

– Это же святое пламя, – медленно проговорила она.

– Боишься, что твой хозяин рассердится? – Ослау ехидно осклабился.

Она невольно передернулась:

– Нам не стоит здесь находиться. С такими вещами не шутят.

– Ой, а дамочка-то суеверная, кто бы мог подумать!

– Я серьезно. Твои люди мертвы – неужели намек не ясен?

Он отмел ее настороженность беспечным взмахом руки.

– Мы это место использовали годами. И потом ты же говорила, что большинство из них погибли на пляже.

– Этого я не говорила.

– Ладно, хорошо, но ты сказала, что там, на пляже, они «удивились». Верно? Так что мне кажется, что угроза пришла как раз снаружи, и наши парни рванули прятаться именно внутрь. Что бы их ни прикончило, оно просто последовало за ними. – И продолжил, не давая ей возразить: – Поверь, тут давно ничего не водится. Давай просто закончим здесь и

двинем обратно в город.

Карис прикусила язык.

– Ну же, – увещевал контрабандист. – Все будет хорошо, вот увидишь.

Она заколебалась, а потом уступила:

– Тогда надбавка за риск. И Маришка будет должна мне услугу.

По мере их продвижения в подземелье делалось все светлее – святое пламя отзывалось на присутствие людей. Из-под ног разбегались золотистые крабы, эхо множило звон капель. Судя по всему, во время прилива проход заливало; по углам лежали коряги и кучи песка, удушливо воняло гниющими водорослями. В дальней стене виднелась резная каменная арка, к ней, словно молнии к громоотводу, притягивалось святое пламя.

– Мы обычно только внешние гроты использовали, – делится Ослау. – Но интересно же, как тут было в старые времена.

Карис уклончиво хмыкнула и снова нащупала края Завесы. На уши хлынул панический шепот; поле зрения затопили немислимые цвета. Все смутно, неясно – кроме перекрученного марева страха и нарастающего гудения.

– Там чем дальше, тем суше, – болтал ничего не замечавший Ослау. – Эй, ты глянь! – Он махнул в сторону арки.

Карис отпустила Завесу, наклонилась ближе и тут же с отвращением отпрянула. Гранитные плиты бледно-желтыми

пятнами на сером фоне усеивали дырявые человеческие зубы. Сотни и сотни зубов, раскиданных случайным, непонятным образом – игральные кости, брошенные на доску текки.

– Маришка рассказывала, что здешнюю Бхатума звали Лиликесс, – продолжил Ослау. – Говорят, когда-то она правила сайкамитскими водами. Разве это не интересно? Похоже, ей нравились зубы.

– Пожалуйста, перестань болтать. – Карис шагнула в арку.

– А знаешь, ведь до сих пор корабли, если подходят к здешнему берегу без ее знака, терпят крушение.

– Оставь эту тему, Ослау.

Тот усмехнулся.

– Интересно, как старушке Лили понравится, если к ней в Святилище вломится эфиритский лакей. Сдается мне, она не обрадуется. Может, даже разозлится.

– Меня бы на ее месте больше раздражало, что контрабандисты устроили из моего дома погрузочную площадку.

– Хм. Не исключено.

Святой огонь бежал по стенам вперед, разветвляясь и вновь сливаясь в серебристо-голубые полосы. Лестница уходила вверх, к скалам, каждую ступеньку покрывал слой мягкого, как мех, солемха. Шаги будили гулкое эхо.

«Не совершаю ли я ошибку?» Карис сунула ладони под мышки, чтобы не мерзли. Если Сабастер узнает, что она шныряла по бхатумским руинам, он, скорее всего, отзовет ее контракт в мгновение ока. А потом, по всей вероятности,

проведет ближайшие триста лет за изготовлением покаянного лоскутного одеяла из ее шкуры.

И все равно до конца унять собственное любопытство по поводу сверкающих линий святого пламени не получалось. Удивительно, что Святилище такого масштаба уцелело во время эфиритской зачистки континента. Карис читала про Лиликесс – та была не из самых могущественных Вестников, но и далеко не последняя. Вспыльчивая, тщеславная, похотливая, склонная к приступам ревности – типичнейший характер для мерсийских Бхатума. Три эфирита убили Лиликесс неподалеку отсюда, на рифе; позже ее верные Избранные назвали тот день Днем черных вод.

Лестница закончилась очередной аркой. За ней коридор загибался в обе стороны, а стены покрывали огромные серебряные диски – словно чешуя гигантской рыбы. Святое пламя рябью бежало по полу и потолку, не уступая в яркости полуденному солнцу.

– Обычно парни оставляли свой товар здесь, – произнес Ослау с явным разочарованием.

– Они наверняка забежали внутрь поглубже, – отозвалась Карис, стуча зубами и растирая предплечья. – Боги, почему так холодно?

– Тут всегда холодно. Хочешь, согрею?

– Лучше уж до смерти замерзнуть.

– Как скажешь. – Он указал налево. – Сюда.

Коридор плавно изгибался, сияли ровные стены. Гудение

сделалось такими громким, что заглушило чавканье Ослау. Побочный продукт святого огня? Завеса здесь ощущалась насквозь пропитанной старой силой, тяжелой и неподатливой. Карис это не нравилось. В двадцати футах впереди коридор выходил в нечто вроде зала или пещеры, и там огни сходили на нет. Она замедлила шаг.

– Что?

Карис ткнула пальцем в плиты пола у них под ногами.

– Брызги крови.

Глянцевую поверхность усеивали мелкие черные пятнышки. Ослау присел на корточки, чтобы разглядеть их поближе. Сплюнул задумчиво, затем кивнул и поднялся.

– Это о многом говорит, – сообщил он. – Приятно знать, что парни здесь проходили. Похоже, разгадка близко.

– Ослау!

Он не обратил на нее внимания и двинулся дальше, в зал.

– Что бы ни убило твоих людей, откуда мы знаем, вдруг оно до сих пор здесь?

Он фыркнул и сделал через плечо грубый жест.

– Нет тела – нет денег.

Гудение снова усилилось, и Карис потерла лоб.

«Это ошибка, – зудела интуиция. – Скорее выбирайся отсюда».

Ушедший вперед Ослау резко остановился.

– О как! – произнес он заметно изменившимся тоном. – Что ж, это настораживает.

Следом за ним она вышла из коридора. Впечатление у нее сложилось неверное – пространство впереди оказалось не пещерой, а своеобразной выдолбленной изнутри башней. Откликаясь на их присутствие, этажи над и под ними засияли кольцами святого огня. Темнота за пределами светящихся кругов представлялась бездонной и бесконечной. Восемь пролетов затейливо выдолбленных ступеней охватывали помещение по периметру, соединяя его с верхними и нижними уровнями, словно соты в улье.

«Напоминает ступенчатый колодец, – подумала Карис. – Только зачем строить такой у самого океана?»

Ослау стоял возле низкого парапета в центре. Приблизившись, Карис поняла, что на самом деле он разглядывает что-то на полу.

– А! – вырвалось у нее.

В луже крови лежало человеческое тело. Пригнанная точно по ноге сандалия и серебряный браслет на лодыжке никуда не делись, но плоть ниже икры была содрана начисто. Из темного месива выступала желтовато-белая блестящая кость.

– Сдается мне, это тебе не пригодится? – спросил Ослау.

Тон его был небрежен, но Карис заметила, что, несмотря на холод, контрабандист взмок.

– Надо уходить. – Она покачала головой.

Он не отозвался, перегнувшись через край и пытаясь рассмотреть нижние уровни колодца.

Карис шагнула вперед.

– Послушай. – Сердце у нее колотилось. – Мне неприятно так говорить, но это выходит за пределы наших полномочий. Неправильно тут, неужели не чувствуешь?

Ответа не было. Он по-прежнему вглядывался во мрак, словно она вовсе не открывала рта. Карис подождала, рассчитывая, что он шевельнется, заговорит или сделает что-нибудь. Нервы у нее натянулись до предела. Молчание длилось и длилось.

– Ослау? Корён?

Вид у него был очень сосредоточенный; Ослау шурился, стремясь проникнуть взглядом сквозь темноту провала.

– Там внизу что-то есть, – наконец произнес он.

От его голоса у Карис побежали мурашки: он звучал отстраненно, рассеянно. Она передернула плечами и торопливо попятилась к устью коридора. С нее хватит. Гудение обжигало уши – словно ей сверлили череп две раскаленные добела иглы.

– Я ухожу, – объявила она. – Хочешь подставлять шею, дело твое. Я видела достаточно, чтобы явиться с докладом к Маришке.

– Нет, там внизу что-то... кто-то есть. – Он перегнулся через край еще ниже. – У них фонари.

Карис оставалось всего несколько футов до коридора, когда его слова дошли до нее. Чувство было такое, словно ее окатили ледяной водой.

– Может, это кто-то из парней, – бормотал Ослау. – Они могли спрятаться, залечь на пару...

– Ослау, убирайся оттуда!

Напуганный горячностью ее тона, он обернулся. В это время из колодца у него за спиной поднялась расплывчатая, полупрозрачная фигура. Она безмолвно переместилась в воздухе, текучая, мягко сияющая и быстрая, как ртуть, обернулась вокруг мужчины и окутала его полностью.

Дальнейшее происходило стремительно и было так ужасно, что едва поддавалось осознанию. Моментально кожа с Ослау слезла и вывернулась наизнанку. Мелькнули внутренние органы, бьющееся сердце – и тут же плоть браконьера взорвалась кровью. Тело твари вспыхнуло алым.

Мозг у Карис заклинило намертво. Тварь парила в воздухе, слегка покачиваясь. По ее поверхности пробегали светящиеся золотые искры, то тускнея, то разгораясь – словно накачивающие на берег волны.

«Это там фонари? Это там фонари? Это там фонари?»

Карис позволила себе неглубокий вдох. Голова кружилась. «Что только... что только что случилось?» Ослау исчез, словно по щелчку фокусника: только что был человек – и вдруг красный цветок. Пропал. Умер.

Она стояла в устье коридора, и тварь ее вроде бы пока не заметила. Их разделяло футов тридцать, возможно, меньше. Да, меньше. Стиснув кулаки так, что ногти впились в ладо-

ни, Карис сделала шаг назад. Голова, казалось, вот-вот лопнет от гула в ушах, и источником... источником его была эта *тварь*. Еще шажок. Надо отступить за поворот коридора, выйти за пределы прямой видимости. Краснота медленно уходила из тела твари: переваривает, сообразила Карис. Растворяет Ослау без остатка. Еще шажок. Боги, всех контрабандистов... вот почему она не обнаружила трупов – как можно было что-то обнаружить, если ничего не осталось. С потолка прожектором бил святой огонь, делая ее катастрофически уязвимой. Способна ли тварь видеть? Способна ли слышать, как бухает у нее в груди сердце? Еще шажок. Она мысленно внушала чудовищу сохранять неподвижность, повторяя это как молитву, как мантру: «Не шевелись, не шевелись, не шевелись». Во рту стояла кислятина. Еще шаг, и стены заслонили ее.

Руки у Карис опустились, ноги подогнулись. Ее била крупная дрожь, и зубы пришлось стиснуть, чтобы не стучали. «Прах, Ослау!» Он же стоял прямо перед ней, ей стоило только... прах! Она беззвучно втянула воздух. Он же был прямо вот, а она...

Нет, надо взять себя в руки. Уже недалеко. Еще немножко, и она вернется обратно на лестницу. Перед мысленным взором пылало видение, как тело Ослау распадается, словно кто-то выдернул нитки из швов.

До первой арки оставалось с десятков футов. Карис ничего не могла с собой поделать – чем она двигалась быстрее, тем

больше создавала шума. Им вообще нельзя было вторгаться в Святилище; она с самого начала чувствовала молчаливую, настороженную злобу этого места. Но она выберется обратно к дневному свету и вернется домой в Сайкамит, и никогда больше не станет брать задания у Второго мэра. Ступеньки были скользкие и коварные, она перескакивала по две за раз. «Что я скажу Маришке? Ослау был... я была...»

Внезапно гудение в ушах усилилось до рева, словно прорвало плотину. Но на этот раз оно исходило из тьмы перед ней. Карис споткнулась и остановилась, ухватившись за стену.

Там, где у порога арки, усыпанной зубами, обрывалось святое пламя, переливались, словно отражающиеся на поверхности волны звезды, желтые огоньки. Вторая тварь.

Наплевав на шум, Карис побежала. Стук ее подметок по плитам грохотал в тишине барабанной дробью. Опять сияющий коридор, но на этот раз она свернула направо, едва не грохнувшись, когда ее занесло на гладком полу. Оглядываться она не смела. Она неслась все дальше в глубину, на стенах вокруг полыхал святой огонь, а по пятам за ней летело гудение.

Коридор окончился новой лестницей, уводившей на уровень ниже. Карис слетела по ступеням – слишком быстро, слишком беспечно – и запнулась. Колени ударились о плиты, и правое бедро прострелило болью. Спустя полсекунды она уже снова была на ногах. Стены здесь выглядели иначе, тем-

нее, их покрывали незнакомые спиральные узоры, а святой огонь потускнел. Гудение за спиной нарастало; она проигрывала, а перед глазами стоял лишь удивленный взгляд Ослау перед тем, как у контрабандиста сползло лицо, и его перекрученные кожа, жилы и мышцы, когда он был вывернут наизнанку.

Она добралась до очередной лестничной площадки и со всего маху ударилась обо что-то твердое. От удара у нее вышибло дух. Она покачнулась, хватая ртом воздух, и вдруг осознала, что перед ней стоит человек, какой-то незнакомый мужчина. Он схватил ее за руку и дернул в сторону через новую арку.

Глава 2

Карис резко обдало жаром, словно она проскочила сквозь пламя костра. Ощущение мелькнуло и пропало. Мужчина по-прежнему крепко держал ее за руку, а теперь еще и прижимал палец к своим губам. Карис бездумно принялась вырываться – тварь же буквально за спиной, надо бежать, – но он только усилил хватку. Глаза у него лихорадочно горели.

– Тихо, – произнес он одними губами.

Она замахнулась, чтобы ударить его свободной рукой, но он перехватил Карис за запястье. Сильный, сильнее нее, но, когда он двигал левым плечом, то кривился от боли. Потеряв возможность двигать руками, Карис попробовала пнуть незнакомца.

– Да уймись ты! – прошипел он. – Я же тебе помогаю.

К этому моменту голова у нее уже едва не лопалась от гула, и она выдохнула, тяжело и слишком уж громко:

– Иди в задницу!

– Я уже там. – Незнакомец затащил ее глубже в помещение за аркой. – Тихо ты. Оно тебя услышит.

Этот человек убьет ее, разорвет на части, как Ослау. Карис подняла голову, чтобы прожечь его взглядом, и встретила с глазами мужчины – такими же отчаянными, такими же испуганными, но в его плотно сжатых губах читалось упрямство.

– Тихо, – прошептал он, – или мы оба покойники.

Карис проглотила желание плюнуть ему в лицо и дернула головой в сторону. Он сухо кивнул. Впрочем, особого выбора у нее сейчас не было. Вырваться она перестала, но мужчина продолжал стискивать ей предплечья. Он перевел взгляд на арку у нее за спиной, и Карис посмотрела туда же.

Святой огонь озарял лестницу бледно-голубым сиянием жутковатого, словно из-под воды, оттенка, оно просачивалось сквозь стены. В отдалении свет тускнел, сходил на нет, и в этой тьме Карис уловила еле заметный намек на золотистое мерцание. Внутренности стянуло узлом.

Спускаясь на площадку, тварь колыхалась из стороны в сторону. Лица и даже отдельных черт у нее не проявлялось, но в движениях ощущалось замешательство. Она явно знала, что добыча прошла этим путем и искала ее. Возле арки тварь остановилась – будто собака насторожила уши. Вблизи тело ее просвечивало насквозь – если бы не пробегающие по его поверхности огоньки, оно оставалось бы практически невидимым. Тварь подобралась еще ближе и остановилась, прислушиваясь. Сейчас их разделяли от силы шесть футов; Карис могла бы протянуть руку и коснуться ее. Пальцы мужчины впились в ее предплечья.

Кожа твари мерцала. Затем, словно приняв решение, она выплыла из арки спиной вперед. Карис застыла, не смея дышать. Тварь двинулась обратно, вверх по лестнице. Постепенно гудение в ушах стихло.

Еще с минуту ни Карис, ни мужчина не шевелились.

«Я не умерла, – ошарашенно думала она. – Она нас не видела».

Спаситель вздрогнул и отпустил ее.

– Боги, – прошептал он. – На секунду мне показалось...

Глаза у незнакомца разъехались, и он покачнулся. Встреченная Карис шагнула ближе как раз в тот момент, когда у него подкосились ноги, и позволила ему на ней повиснуть. Его трясло, кожа даже сквозь одежду была обжигающе горячей. Рубашку пропитал кислый пот.

– Простите. – Он попытался отстраниться, но ноги его не держали. – Мне так неловко.

Шептал он явно из последних сил. Лицо мужчины резко переменялось: кожа в слабом голубоватом свечении казалась серой. Похоже, в вертикальном положении его удерживал только страх – теперь, когда опасность отступила, он едва мог стоять. Зубы его выбивали дробь.

– Что с вами? – спросила Карис.

Мужчина пренебрежительно махнул в сторону лестницы, и впервые стало заметно, что руки у незнакомца в крови.

– Назовем это разногласиями.

– С одной из этих тварей?

Мужчина кивнул. Несмотря на худобу, был он выше ее на голову и довольно тяжел. Карис неуклюже помогла ему опуститься на пол. Левый рукав рубашки потемнел от крови; сквозь прореху в ткани виднелась глубокая рана, идущая по

руке к плечу.

– Похоже, серьезные разногласия, – чуть слышно оценила она.

– Я приду в себя, просто дайте минутку.

Верилось в это с трудом; судя по виду, незнакомец был близок к обмороку. На лбу тонкой пленкой блестела испарина, и в проникавших из арки отблесках святого пламени лицо его страдальчески кривилось. Карис глянула на проход. Надо уходить пока тварь не вернулась.

– Полагаю, вы не из отряда спасателей? – спросил раненый, прикрыв веки.

– Нет. – Карис помотала головой.

– Я так и понял. Жалко. – Услышав, как он произнес «жалко», Карис нахмурилась. Он это заметил. – Что?

– Судя по акценту, вы вареслиец.

– Виноват, каюсь.

– Значит, не контрабандист?

Он негромко рассмеялся. Звук вышел хриплый, сухое дребезжание в легких.

– Нет. Я не контрабандист. А вы?

Карис снова помотала головой. Теперь, как следует его рассмотрев, она заметила, насколько хорошо мужчина одет. Костюм его, пусть заляпанный кровью и грязью, явно был дорогим: мягкий белый лен и латунные пряжки, черный хлопок и дубленая кожа. Возраст незнакомца – немного за тридцать, выющиеся волосы почти до шеи, смугловатая кожа, в

ушах поблескивают драгоценные камни. Нет, не контрабандист, по крайней мере не той породы, к которой она привыкла.

– А эта тварь, там... почему она нас не видела?

Мужчина скривил лицо. Полез в карман и вынул оттуда небольшой бронзовый медальон на тонкой цепочке.

– Это, – пояснил он, – Рассекатель времени. Наследие Бхатума, семейная реликвия. Здесь, где мы сейчас находимся, мы отодвинуты на три дня в прошлое.

Он протянул ей устройство, и Карис наклонилась посмотреть ближе. Поверхность диска пестрела мелкими буквами, выбитыми так тесно друг к другу, что они казались одной сплошной линией. Даже не сдвигая Завесу, она узнала работу Бхатума: регистрационные формулы представлялись непостижимо сложными. Ободок медальона украшали крохотные рубины.

– Мы можем видеть, как идет время за пределами Кармана, но нас оно коснуться не может. – Мужчина сомкнул кулак и опустил руку. – Если только кто-то не заметит Карман и не попытается вломиться внутрь, в этом случае стабильная сфера лопнет, скорее всего. И выбросит нас в настоящее.

Карис села на корточки. Ничего себе. Реликвия для управления временем, вещь чрезвычайно редкая и могущественная. Она закусила губу. Наверняка эта штука стоит целое состояние.

– Тогда почему тварь нас слышала? Если мы и она в раз-

ном времени?

Мужчина застонал и поморщился.

– До этого я не проверял Рассекатель в действии. Может, все дело в приближении? «Проксимальное наложение», полагаю. Видимо, у устройства есть свои недостатки.

Голова шла по-прежнему кругом. Карис обвела взглядом место, где они находились. Здесь было темно, лишь голубоватый свет из коридора рисовал на полу длинные тени. По всей длине помещения тянулись в три ряда одинаковые серые каменные тумбы. Саркофаги, догадалась она. В них, по всей видимости, хранились тела Избранных Лиликесс.

– Эта ваша реликвия, Рассекатель времени... – повернулась она к мужчине. – Карман, который он создает, привязан к одному месту?

Едва заметная улыбка, словно бы он догадывался, о чем она думает.

– Пока я привязал его здесь, но его можно открепить и переместить куда угодно. Если я его отключу.

В животе у Карис кольнуло.

– То есть мы могли бы добраться до выхода в несколько приемов? Останавливаясь и заново устраивая Карман, если те твари подберутся слишком близко?

– В теории – да. На практике... – Он обвел рукой мрак, их окружавший. – Вот примерно столько я могу пройти.

– Что? Почему?

– Потому что я умираю.

Произнес он это обыденным тоном и с абсолютно серьезным лицом, но Карис не могла отделаться от ощущения, что он над ней насмехается – преувеличивает или странно шутит. Да, выглядел он больным, но... Чем дольше она вглядывалась в его лицо, тем сильнее росло ее недоверие.

– Многовато вы говорите для умирающего.

– Это один из многих моих недостатков, – ответил он.

– И что же вас убивает?

– Я уже говорил, что у меня вышли разногласия с одной из этих тварей. Кстати, они называются конструкторы. – Он указал на свое окровавленное предплечье. – Я оказался недостаточно ловок, и конструктор меня задел. Видели, что они делают с людьми?

Карис кивнула.

– Эта рана... – Подбородок у него дернулся, но он быстро подавил эмоции. – От нее я и умираю, но процесс идет чуть замедленнее. Карман удерживает меня как бы в стазисе, но, как только я вернусь в настоящее, защита спадет.

– Вы покинули Карман, чтобы забрать меня?

– Да, было очень больно. Не благодарите. – Опираясь на стену за спиной, мужчина устроился поудобнее. Движение явно стоило ему сил. – И это подводит нас к моему предложению.

– Предложению?

– Да. – Он протянул ей Рассекатель. – Возьмите его.

Карис не шелохнулась.

– Вы же хотите жить? – Он поболтал медальоном на цепочке, словно играя с кошкой. – Снова увидеть солнце?

Она сразу почувствовала ловушку.

– И зачем вам отдавать его мне? Вы же только что сказали, что умрете, если выключите устройство.

– Ну да. Учитывая, что я здесь уже второй день, времени на обдумывание ситуации мне хватило с избытком. Затягивать это дальше нет смысла.

«Второй день?» У Карис волосы на голове встали дыбом. Два дня, один в темноте... И при этом незнакомец выглядит очень собранным... и разговаривает чуть ли не весело. Он либо отъявленный лжец, либо дурак, и неизвестно еще, что хуже.

– А взамен?..

– Взамен? – Медальон перестал раскачиваться. – Мне нужно, чтобы вы доставили сообщение в вареслийское посольство в Сайкамите. Передайте им, что посла в Торайг убили и всю ее свиту тоже. Если захотят доказательств, обломки посольского корабля найдутся в морских пещерах недалеко от Святилища. И расскажите им о конструктах.

Карис разглядывала мужчину, не торопясь с ответом. Лжец или дурак. А может, и то и другое вместе.

– Сделаете? – не отставал он. – Пожалуйста...

В неярком свете поблескивал Рассекатель времени. С ним у нее появится шанс выбраться отсюда. Она сможет вернуться в Сайкамит, подкупить посольство или даже сбегать ре-

ликвию в Институт. Деньги светят серьезные, куда больше, чем она способна заработать за год. Прах! Чем за десять лет.

Она взяла у него медальон. Раздался чуть слышный вздох облегчения, и незнакомец снова ей улыбнулся – на этот раз куда искренней. Отвечать улыбкой Карис не стала.

– Как тебя зовут? – спросила она, с «вы» перейдя на «ты».

– Ферайн Талиаде. А тебя?

Она перевернула Рассекатель на ладони.

– Сколько, по-твоему, стоит твоя жизнь, Ферайн?

– Это философский вопрос или...

– Нет. Если бы тебя выкупили, то за сколько?

Кажется, он опешил.

– Э-э... трудно сказать. Полагаю, это зависело бы от моего отца...

– Пять тысяч кретов? – Она сразухватила через край, чтобы оценить его реакцию. Как Карис и ожидала, цифра вызывала у него только смех.

– Хотелось бы думать, что он не *настолько* меня ненавидит.

Карис хотела было накинуть тысячу, когда смысл его слов наконец дошел до нее, и она едва удержала отваливающуюся челюсть. «Слишком мало?!»

– Извини. – Она взяла себя в руки. – Пятнадцать тысяч?

– Должен заметить, твой интерес в этой ситуации с гипотетическим заложником...

«К праху!» – подумала она и сжала Рассекатель в кулаке.

– Я спасу твою жизнь за пятнадцать тысяч, – объявила она.

Минута молчания.

– Гм... – Ферайн моргнул.

– Ну... или попробую. Ты ведь все равно помирать собрался? С тем же успехом можешь попытаться удачи со мной. – Она протянула ему руку. – Твоя жизнь за пятнадцать тысяч кретов.

Он задумался.

Карис ждала, затаив дыхание, стараясь не выдать своего нетерпения. Пятнадцать тысяч кретов! Это же чистое безумие. С такими деньгами она, пожалуй, сможет купить все Скрипуны, и еще останется. «Кто этот человек?»

– Ты не сказала, как тебя зовут, – произнес он наконец.

– Карис Эска.

– Карис, – медленно повторил он, словно запечатлевая в памяти ее имя. С его акцентом согласные звучали мягче. Он кивнул сам себе. – Расскажи, как ты собираешься это сделать.

– Открою Завесу, восстановлю стагисную сферу на той стороне, потом закреплю Рассекатель у себя на теле... – Она чувствовала себя пережатой пружиной. – Если я права, таким образом временной карман окажется завязан на меня. С тобой внутри.

– Ты и правда не контрабандист. – Ферайн прокрутил ее идею в голове. – Стало быть, ты практикующий маг?

– Нет, не совсем. Но какие-то простые вещи делать могу, когда надо.

– Откуда у тебя доступ к Завесе?

– Я глашатай смерти.

По лицу его промелькнула рябь нечитаемых эмоций.

– А, – сказал он, – понятно.

Заметив, как смягчился его тон, Карис подавила раздражение.

– Отдача может быть дикой. Но если выгорит, я сумею доставить тебя туда, где тебе помогут.

– Похоже, опасности подвергаешься ты, а не я.

– За пятнадцать тысяч я готова рискнуть.

Он продолжал сверлить ее непроницаемым взглядом. Рука Карис не дрогнула.

– Ты уверена?

– Уверена.

Ферайн опустил глаза, поколебался еще мгновение, затем пожал протянутую ему ладонь. Поверхность его ладони была лихорадочно-горячей, Ферайна все сильнее била дрожь, но хватка оставалась крепкой.

– Хорошо, – сказал он. – Договорились.

Ужас последнего часа отступил, смытый диким приливом надежды и бурным, яростным всплеском эмоций. Карис охватило безумное желание расхохотаться. «Этого хватит. Хватит с лихвой». Ферайн не сводил с нее любопытных глаз, и она отдернула руку.

– Договорились. – Вышло хрипло. Она откашлялась и смахнула волосы со лба, заправив лишние пряди за уши. – Тогда давай посмотрим, что я могу.

Завеса, там, где они сидели, висела тяжелая и темная, этакий лес из складок рытого бархата. Карис постаралась отключить чувства и отодвинуть полотно. «Сосредоточься, возьми себя в руки». Ее чувства едва касались волнистой поверхности. Ткань поддавалась неохотно, но здесь было тише, чем на пляже или в верхних коридорах; ни следа мутного ужаса, испытанного ею до этого. Завеса смялась, затем ослабла, и Карис раздвинула ее. Органы чувств расцвели небывалыми оттенками; увядшая сила Святилища оседала на корне языка пыльной сладостью, будто засушенные цветы.

– Хорошо, – прошептала она.

Ткань сложилась сама собой, отступая и оставляя после себя жуткую пустую дыру, подвешенное в воздухе еще более глубокое ничто. Карис ощупала края пустоты и придала ей форму, разгладив подходящее для Кармана пространство: восемь футов в длину, четыре в ширину, три в высоту. «Просторный гроб». Она никогда раньше не пробовала оставлять что-нибудь по ту сторону Завесы, но должно получиться. Вновь отыскать объект может оказаться несколько сложнее... но если привязать сферу к себе, то задача вполне осуществимая. Это как сунуть камень к себе в карман, а не бросить в море. Она направила пустоту вниз к вымощенно-

му плитами полу, устанавливая ее над Ферайном.

– Так, – пробормотала она снова, делая успокоительный вдох. Пока все хорошо. – Теперь не двигайся.

Ферайн находился в самой середине пустоты, но явно не чувствовал никакой разницы между тем, что было, и тем, что стало. С некоторым скепсисом и толикой беспокойства он огляделся.

– Конечно. Понял. Что-нибудь еще?

– Ты упоминал морские пещеры – это через них ты попал в Святилище?

Он поколебался.

– Думаешь попробовать уйти тем путем?

– Ну, прошлый мой выход перегородили эти твари. – Карис потрясла головой. – Конструкты. Придется попробовать что-то другое.

– Понимаю, но... будь осторожна. – Ферайн опустил взгляд. – Мы оказались зажаты между конструктами и морем в самый прилив. Это была мясорубка.

Даже сквозь стены Святилища она чувствовала эти смерти, пусть тускло и приглушенно. Они послужат ей мрачной путеводной звездой и помогут выбраться отсюда.

– Ты готов?

Ферайн снова поднял глаза, и Карис увидела, что ему страшно.

«Значит, лжец, – подумала она. – Ты все-таки хочешь жить».

– Готов, – сказал он.

Карис прокусила щеку изнутри и сплюнула себе на раскрытую ладонь. Самая элементарная из бхатумских привязок, простейший ритуал. Она прижала теплый металл Рассекателя к лужице крови и слюны и стиснула кулак.

– Держись крепко, – шепнула она.

Медальон обжег кожу, и Карис едва удержалась от вопля. Металл у нее под пальцами размягчился и превратился в жидкую бронзу, а затем исчез, впитавшись в ее ладонь. Щелкнув, словно в замке повернули ключ, Завеса захлопнулась. Ферайн пропал, только бледный контур ее собственной тени остался на полу там, где он лежал.

Когда Карис разжала кулак, от Рассекателя на ладони остался только саднящий круглый ожог. Там, где на него падал свет, отметина отливала золотом. Карис пошевелила пальцами, затем снова сомкнула их. Так или иначе, а реликвия теперь привязана к ней физически – и Ферайн вместе с ней.

Теперь всего-то осталось выбраться из Святилища.

Глава 3

Карис двигалась осторожно. По Святилищу гуляло эхо от капающей воды и чуть слышный, но равномерный шелест волн, бившихся о скалы снаружи.

Теперь у нее имелось по крайней мере одно маленькое преимущество перед конструктами – она услышит их раньше, чем они ее. И все-таки это слабо ее утешало по мере того, как она крадучись углублялась в лабиринт коридоров. С каждым этажом, на который она опускалась, святое пламя все больше тускнело, а архитектура постепенно утрачивала правильность и четкость. Казалось, на такой глубине Святилище обретало более органические черты, распуская во все стороны коридоры, словно корни или щупальца. Проходы внезапно оборачивались тупиками, ровный пол уродовали то бугры, то морщины.

Она затруднялась точно определить, почему это происходит, но эти несоответствия беспокоили ее. Из стены мистическими знаками препинания выступал ряд серых выпуклостей, каждая чуть крупнее предыдущей. Потолок понижался исподволь, словно провисая; вспучивались у основания стены. По отдельности все эти неровности выглядели случайными, но Карис смутно чувствовала в их расположении некую систему или симметрию.

«И почему колодец ступенчатый?» Бхатума возводили

Святылища исходя из собственных капризов и предпочтений, без оглядки на законы природы, но такой выбор все равно поражал непостижимостью. Зачем колодец рядом с океаном, где его должно все время заливать морской водой? Бессмысленно и странно.

Коридоры забирали к востоку, повторяя изгиб скалы, и в воздухе настоялась смерть. Карис поняла, что близко пещеры, она знала это – горло саднило от привкуса соли, в каменных туннелях посвистывал ветер. Снаружи наверняка уже наступила ночь и принесла с собой позднюю летнюю грозу.

Карис вышла к очередной лестнице и спустилась по обманчивым, разновысоким ступеням. «До чего же нелогичное место». Насколько она могла судить, на этом уровне полы должны находиться под водой... учитывая, сколько она прошагала, от поверхности земли ее уже отделяли многие мили. И все же ее не отпускало необъяснимое чувство, что с каждой ступенькой вниз она на самом деле поднимается вверх.

Из темноты впереди донеслось слабое жужжание. Карис сбилась с шага. Гудело негромко и ровно – и далеко, по крайней мере пока. Она замерла, прислушиваясь, но шум не менялся: зловещая глухая вибрация.

Карис стиснула зубы. Можно, наверное, вернуться и поискать другой выход из этой гнусной дыры, но она отказалась от этой идеи. Боги! При одной мысли о возвращении по бесконечным сумрачным переходам, где каждый камень, плита и ступенька пронизаны неправильностью... Карис выдохну-

ла. Нет. Медленно, осторожно. Теперь уже недалеко.

В следующем коридоре застарелая тяжесть смерти сгустилась еще сильнее, от холода ныли кости. Стоило приоткрыть Завесу, и воздух наполнился вихрями разноцветного света, резкими звуковыми вспышками.

«...она мертва, помогите же, они все...»

«Боги, не оставьте меня, направьте и защитите, ответьте меня домой».

«...надо бы потише, я не знаю, куда оно делось».

Голоса сливались воедино, перемежаемые хриплыми криками, тихими вздохами. Карис хотелось отгородиться от шума, но она боялась, что это ослабит ее чутье на конструкторов. Вместо этого она слушала голоса отчаявшихся незнакомых людей в их последние мгновения, снова и снова.

«...она мертва, помогите же, они все...»

«Вы видели? Вы видели, что оно сделало?»

«...пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, выпустите меня, пожалуйста...»

Воздух сочился их страхом, их замешательством, и Карис поймала себя на том, что дыхание ее участилось. Чувства принадлежали не ей, но их влияние сказывалось вполне реально. Никогда прежде ее не окружала такая концентрация смерти; она даже не могла разобрать, сколько всего людей здесь внизу убили. Тридцать, сорок? Их голоса накладывались друг на друга.

Она добралась до конца коридора, и звуки грозы стали

слышней. Над утесами свистел ветер, шелестел дождь. Святого пламени едва хватало на несколько футов в обе стороны, но в полумраке ей удалось разглядеть блестящие от воды выкрошенные ступени.

Карис заторопилась вперед. С каждым шагом стылый озноб Святилища покидал ее тело. Грозовая ночь была холодная, но ветер не так жалил кожу, как воздух переходов, не вонзался острием в плоть. Она вдохнула едкую соленую пыль, и вкус ее был настоящим, знакомым.

У подножия лестницы плиты пола заканчивались, уступая место дикому камню. Справа от нее земля уходила вниз, в котловину с бурлящей черной водой, и Карис двинулась влево, вдоль стены, по окаймлявшему котел узкому скальному карнизу. Высокий свод пещеры терялся во мраке, но сквозь рев бури Карис различала писк растревоженных морских нетопырей. О камни бились обломки погибших кораблей.

Следующую трудность Карис предвидела заранее, но деваться было некуда – к пляжу придется добираться вплавь. Прилив был еще слишком высокий, но она не могла позволить себе ждать, пока вода отступит. Ничего не поделаешь. Она отпустила Завесу, потом сбросила куртку и сложила ее у стены. За курткой последовали ботинки, высокие, кожаные, на шнуровке. Она купила их всего шесть месяцев назад, и это был момент редкого, несвойственного ей расточительства. Темные, упругие, они облегли ноги так, словно

шились специально на нее, и продавец клялся, что ботинки прослужат целую вечность. Она неохотно поставила их на камень. Зря потратилась.

Гудение за спиной резко усилилось. Конструкт пришел в движение. Карис поспешила вниз, на мелководе. Морская вода оказалась теплее воздуха, а плеск волн заглушил шум от вошедшего в воду человека. Карис пригнулась и тихонько побрела на глубину.

Когда она оглянулась, конструкт мерцал у подножия лестницы. Переливаясь золотистым светом, тварь качнулась вперед и зависла над ее курткой. Наклонилась, любопытная, словно дикий зверь, обнюхивающий заднее крыльцо мясной лавки. Затем двинулась к котловине.

«Интересно, они умеют плавать?» Карис присела ниже. Судя по предыдущей погоне, видели твари не очень хорошо. Теперь это, похоже, подтверждалось, но в то же время конструкт явно чувствовал присутствие человека. Карис затаила дыхание, когда тварь приблизилась к кромке воды. На мгновение беглянка уверилась, что преследователь сдастся – тварь явно опасалась и не выглядела довольной. Но вместо этого конструкт взлетел чуть повыше и поплыл над поверхностью бурлящей воды.

«Прах!»

Сердце колотилось. Карис набрала воздуха и нырнула. Завывание ветра стихло, и перед ней открылся сумрачный и размытый мир. Она поплыла вперед. Море вокруг нее бур-

лило, словно живое. Хотя во мраке было почти ничего не разобрать, глаза она держала широко открытыми, иррационально боясь, что конструктор каким-то образом вдруг поднимется из глубины. В воде то и дело попадался мусор.

Карис оставалась под водой, насколько хватило воздуха, изо всех сил выгребая против течения, а затем медленно всплыла. «Ну же, ну же, ну же». Обернулась и, напрягая зрение, всмотрелась в темноту.

Есть! Она разглядела мерцание конструктора. Похоже, дальше мелководья тварь не сунулась.

«Оно за мной не гонится. – От облегчения даже голова закружилась. – Не знает, где я».

Она снова нырнула и поплыла дальше.

Когда она поднялась глотнуть воздуха в следующий раз, по лицу хлестнуло дождем. Над головой нависла громадная арка устья пещеры, едва различимая на фоне беззвездного штормового неба – угольно-черная на графитово-сером. Еще несколько последних гребков, и вот она уже на открытой воде, а пещера осталась за спиной. Только море, волны и ночь. Выбралась.

Придерживайся Карис старой веры, она бы вознесла хвалу своему Вестнику. А так просто продолжила плыть.

Сумрачная громада разбитого корабля вареслийцев притаилась в зубастой пасти пещеры. Меж вздымавшихся в темноте волн разглядеть удавалось немного, но с кораблем явно было что-то не так: мелкий, кособокий, планширь вогнут,

из борта словно выкусили часть обшивки. На палубу обрушивались волны.

Карис снова ушла под воду, борясь с течением, норовившим уволочь ее обратно в Святилище. С тех пор как она в последний раз плавала в океане, прошло много лет, но тело помнило. Тут ее накрыло волной. Если удастся одолеть полосу прибоя, должно стать поспокойнее и появится шанс отдышаться и собраться с мыслями. Вода закрутила ее и потащила, и на несколько ужасных мгновений верх и низ перепутались.

Затем гребень волны ушел дальше, и Карис пробилась к воздуху. Перед ней расстилались темные волнистые равнины более глубокой воды, и она изо всех сил заработала руками и ногами, чтобы избежать бурунов. Дождь шипел, ударяясь о морскую поверхность. Когда волна опала, Карис разглядела сияние Сайкамитского маяка. Зеленый спиртовой фонарь вращался и подмигивал ей.

Она позволила приливу отнести ее вдоль берега немного на запад, а затем повернула к пляжу. Придется несколько часов идти до города босиком... ну и пусть. Бывало и хуже, а она до сих пор жива. Ноги коснулись песка. Того, что она узнала, было достаточно. Это больше, чем мог рассказать Ослау. Она наполовину прошагала, наполовину проплыла еще несколько футов, потом просто шла по дну. Море жадно засасывало ее ступни, пока она брела к пляжу.

Вода доходила Карис до пояса, когда она заметила кон-

структов. Двоих, затем троих, четверых: желтые огоньки размывало дождем. Они передвигались по песку медленными хищными дугами, словно акулы.

Твари прочесывали пляж. Пальцы Карис сжались в кулаки, ногти впились в ладони. Ее терпеливо ждали. Она видела тропинку, взбирающуюся вверх по утесам, ту самую, по которой она спускалась всего несколько часов назад. Чувствовала стремительное, кровавое потрясение от гибели контрабандистов. Твари мерцали, как звезды во тьме. Здесь их никак не миновать, слишком много. Это было бы самоубийство.

Волна толкнула ее в поясницу, и какой-то частью своего существа Карис захотелось опрокинуться и позволить воде поглотить ее. Руки и ноги налились свинцом.

Конечно, был и другой путь до Сайкамиты. О котором она до сих пор не позволяла себе даже думать. Очень, очень глупая затея.

Карис стиснула зубы и стянула через голову липнувшую к телу рубашку. Следом отправились штаны. Она позволила течению подхватить одежду и унести прочь. Оставшись в одном исподнем, она вернулась в море.

Далекий зеленый фонарь притягивал ее словно спасательный круг. Поначалу дело шло бодро; она плыла параллельно берегу, войдя в ритм и не обращая внимания на грызущий изнутри страх. Однако вскоре навалилась усталость, и гребки начали запаздывать. Пляж заканчивался в самой запад-

ной точке залива; за ним до самого Сайкамита шла отвесная скальная стена. Придется плыть до самого города или утонуть.

Она подняла голову, по лицу лупил дождь. Миль шесть. А то и больше. Плавала она хорошо, но преодолеть такое расстояние непросто и по спокойной воде. Сейчас, когда ее мотало по волнам, словно тряпичную куклу, затея и вовсе казалась верхом безрассудства. Ветер завывал все сильнее.

«Одно неудачное решение за другим».

Она сплюнула соленую воду.

Вдруг откуда ни возьмись накатило головокружение. Тепло Карис оцепенело от шока и скользнуло под воду. Сердце сжал ледяной кулак.

– Выпусти меня!

Голос в толще воды звучал идеально и неестественно четко. Карис забарахталась, затем пробилась к поверхности и вынырнула, хватая ртом воздух.

– Где я? – Голос давился паникой. – Что происходит?

В груди стремительно разливался жуткий холод, перетекая в плечи и руки, а сопровождавшее его головокружение едва не утащило ее под воду вторично.

– Умоляю, только не темнота, только не мрак опять. Как же больно! Пожалуйста, я что угодно сделаю... я тону...

– Ферайн! – рявкнула Карис.

Он замолк. Она старалась удержать голову над водой, оттого голос звучал сдавленно.

– Ты не тонешь, – сказала она. – Тебе ничего не грозит. Я пытаюсь добраться до помощи, поэтому просто... просто отстань!

Мгновение спустя холод из груди убрался. Карис передернулась, не переставая грести. «Что за хрень?!» Она не должна его слышать, его не должно тут быть! Грохот сердца эхом отдавался в ушах.

– Где я? – прошелестел он, словно дождь на ветру.

– Просто дай мне дотащить тебя до города. – Ее приподняло волной, затем снова опустило. – Все с тобой будет в порядке.

– Так холодно. – Голос слабел. – Я... я не знаю... скажи Илеше...

Головокружение прошло, но Карис все равно была потрясена до глубины души.

– Держись, ладно?

Ферайн не ответил. Она чувствовала, что он каким-то образом отодвинулся или уменьшился, она как будто снова осталась одна. По воде пронесся резкий ветер. Лицо жалили шипящие струи дождя.

– Держись, – повторила она себе.

Гроздь туманных огней Сайкамита повисли низко над черными волнами, то пропадая из виду, то снова появляясь в такт дыханию моря. Карис плыла, и маяк впереди постепенно вырастал; яркий зеленый свет пронизывал упорно падающий дождь. «Еще немного». Ноги превратились в мертвый

груз, но она мысленно твердила, как обещание или молитву, одни и те же слова: «Еще немного».

Никак не удавалось прогнать воспоминание о том, как много лет назад ее брат бросил крысу в деревенский Покаянный пруд. Прежде чем пустить в воду, он опутал зверька старой сетью с грузом камней. Они вместе молча наблюдали, как паникующее животное плавало кругами, пища от страха и царапая в поисках любой опоры скользкие от водорослей стенки. Даже с грузом оно долго не уставало... по крайней мере, так казалось Карис. Она хотела сказать Оборо, чтобы он отпустил беднягу, но в тот день у него было такое лицо, что она не рискнула заговорить. Поэтому молча стояла и смотрела, как живое существо тонет.

Карис стиснула зубы. «Я не крыса».

На юге прогремел гром.

Сайкамитская гавань припала к изогнутому ковшу Сладкого залива, защищенная сначала Медовым рифом, подарком Бхатума, а затем сложной системой волнорезов и молов. Лабиринт доков и причалов тянулся дугой от илистых отмелей Скрипунов до складов в Трухачах, и днем там кишел народ: моряки, торговцы, докеры, портовые чиновники – шум, ругань, и при этом жесточайший порядок.

Но когда Карис, дрожа от изнеможения, наконец втащила свое измученное тело вверх по лестнице на пирс, гавань была почти безлюдна. Она обхватила себя руками и поплелась вперед. Одинокий ночной сторож в караулке вытаращился

на нее с разинутым ртом. Она устало помахала ему, направляясь к неказистому переулку между двумя пакгаузами. Он не остановил ее.

Переулок пропах блевотиной и кошачьей мочой, плиты под ногами покрывала жирная грязь. Тело по-прежнему било дрожь. После теплой морской воды ветер пробирал до костей. Возле складских мусорных баков валялась на земле куча бурой мешковины. Карис подняла одно из мокрых, вонючих полотнищ – из складки выскочил таракан – и накинула его на плечи.

Дальним концом переулок выходил на Драчливую улицу. В водостоках бурлил дождь, и движение было редким; несколько крытых виляек перемещались между окрестными барами и притонами. Через дорогу возле старой рыболовецкой конторы жался одинокий гончак. На свист он зашевелился и встряхнулся от носа до хвоста.

– Китова улица, Старый рынок, – еле выговорила Карис сквозь стучащие зубы, забираясь в корзину на спине существа. Оно подпрыгнуло один раз в знак согласия и пошло быстрой рысью.

Карис плотнее закуталась в импровизированный плащ. Шерсть гончака колола босые пятки, но при всех неудобствах – вонь, ливень и холод – заставить себя жалеть не получалось. Карис еще ниже сгорбилась на сиденье. Если на то пошло, с погодой в некотором смысле даже повезло – не хотелось, чтобы кто-нибудь заметил ее в таком виде.

Где-то между гаванью и Старым рынком она, видимо, задремала, потому что в следующий раз осознала себя на спине у гончака, подпрыгивающего в надежде привлечь внимание седока. Карис вяло погладила зверюгу, прошептала слова благодарности и кое-как сползла на землю.

Все суставы ныли, пока она тащилась вверх по лестнице к своей двери, нащупывала кодовый замок и входила в квартиру. Еще двенадцать шагов – и она рухнула на кровать.

«Справилась», – мелькнула последняя мысль.

Изнеможение взяло верх.

Глава 4

Громкий стук разбудил Карис, но не до конца. Она поморщилась и с трудом разлепила покрытые солью веки. Через окно над кухонной плитой в комнату струился солнечный свет.

– Пра-а-ах! – простонала она.

Воняло в квартире страшно, а значит, и хозяйка пахла не лучше. На деревянном полу мятой кучей валялась давешняя мешковина. Карис не помнила, как скинула ее, но хотя бы в постель кишашая блохами дерюга не попала.

В дверь снова забарабанили.

Карис приняла сидячее положение, от чего все до единой мышцы в теле протестующе взвыли. Кожу с головы до ног покрывала липкая пленка из пота и морской воды. Жесткие как солома волосы слиплись и встали колом, под ними немилосердно зудело. Карис обвела комнату мрачным взглядом. Больно было даже думать о том, чтобы встать, вообще шевелиться, не говоря уже о встрече с посторонними...

– Госпожа глашатай!

Грязно ругаясь себе под нос, она вывалилась из кровати.

– Чего надо? – крикнула она через дверь.

– Маришка хочет вас видеть, – раздался приглушенный преградой веселый голос.

«Вполне может и подождать».

– Я зайду к ней сегодня днем.

– Так уже полдень, госпожа глашатай.

Карис прожгла дверь ядовитым взглядом.

– Ладно. Полчаса, – проворчала она.

Юный посыльный хихикнул.

– Побегу обрадую.

Двадцать минут спустя, отмытая до скрипа и с влажными волосами, Карис заперла дверь и выкинула грешную мешковину в общий мусорный бак. Карильо деловито подметал ступеньки снаружи и приветливо буркнул, когда она проходила мимо. Карис ему кивнула. Он был неплох, насколько бывают неплохи квартирные хозяева на Старом рынке. Цены держал честные, за домом следил, в чужие дела не лез. Вдобавок, насколько она понимала, его ни капельки не волновала ее профессия.

– Суровая ночка выдалась, – заметил он.

«Ты мне будешь рассказывать».

– Если удобно, плату занесу завтра вам в кабинет.

Карильо буркнул невразумительно, что она приняла как согласие.

День стоял яркий, прохладный. В вышине медленно плыли ослепительно-белые облака. Дальше по улице ссорились из-за ежедневных базарных отбросов чайки, а от запаха жареного угря у Карис потекли слюнки. Второй мэр обитала в Томасии, всего в одном квартале от Старого рынка. Карис отправилась пешком, чтобы подразмять затекшие ноги. На

улицах толпились виляйки и гончаки, лоточники выкрикивали цены на свой товар. После шторма все казалось посвежевшим, и сам воздух словно стал чище. На юге над красной черепицей крыш в Трухачах и Домах Соресы сияло темной синевой море. Гавань пестрела лодками рыбаков.

Славный денек. Карис топала по дороге. Жаль, нельзя провести его в постели.

Ее конечная цель располагалась в двух улицах от главной магистрали, в закрытом со всех сторон зеленом дворике, выходящем на чешуйчатую стену на севере. Маришкин дом был самым большим в квартале, хотя и не особенно роскошным. Двухэтажное беленое здание, потрепанное временем и заросшее цветущим плющом. Через карнизы перевешивалась жимолость, в ней лениво гудели пчелы, а между увешанных плодами хурмянных деревьев стройными рядами выстроились подсолнухи. Второй мэр любила свой сад. Карис открыла калитку и вошла. По ухоженной дорожке, ведущей ко входной двери, прыгал одинокий белый кролик.

Карис дернула колокольчик. Спустя мгновение на пороге возник массивный, рослый, но очень бледный мужчина.

– А, глашатай смерти Эска, – произнес он с ярко выраженным торайгианским акцентом и вежливой улыбкой. – Как хорошо, что вы наконец явились.

– Перестань, Бусин. У меня жуткий день.

– Она как раз заканчивает с очередным посетителем. – Он пригласил ее внутрь с чуть насмешливым поклоном. – И у

него, бьюсь об заклад, день выдался куда хуже, чем у тебя.

Словно в подтверждение его слов в глубине дома кто-то завыл от боли.

– Чаю? – предложил Бусин. – С тобой она пообедает, но, возможно, пока мы ждем, а?

– Нет, спасибо. А кто он, этот очередной?

– Толаз, Толац? – сухо ответил Бусин. – Как-то так. Выкачивал деньги из фонда опеки, попутно забавляясь с кем-нибудь из ребятишек. – Очередной вопль. – Подозреваю, больше он этого делать не будет.

Бусин отвел ее на кухню. На старой сковороде шипело масло, а в воздухе густо пахло специями и помидорами.

– Садись. Уверен, она почти закончила.

Опускаясь на стул, Карис поморщилась. Светлое и просторное помещение в бледно-голубых и белых тонах украшали занавески в цветочек и желтая фаянсовая посуда. Бусин шуршал вокруг, заканчивая готовить и расставляя тарелки и стаканы. Второй кролик – белая шубка, розовые глазки – сидел в углу. И медленно моргал.

– Давненько не виделась, – продолжил разговор Бусин. – Как дела? Как заработки?

– В основном по-прежнему. – Карис вздохнула.

– Нет серьезных заказов?

– Проплаченных нет.

– А-а. – Он посмотрел на нее искоса. – Если спросишь, уверен, Маришка...

Сквозь стены проник приглушенный визг.

– Я еще не настолько отчаялась, – сказала Карис.

Второй мэр явно не случайно подстроила встречу с Толазом так, чтобы Карис слышала. Эдакое недвусмысленное напоминание. Карис потянулась вперед и налила себе полный стакан воды. «Вот что бывает с теми, на кого я сержусь». Как будто без напоминаний не обойтись. Из коридора снаружи донеслись мужские всхлипывания и просьбы о прощении. Карис не реагировала. Открылась и закрылась входная дверь.

Через минуту в дверном проеме появилась Маришка.

– Привет, Карис, – отрывисто сказала она. – Прости за задержку.

Несмотря на свои семьдесят, седая и грузная Маришка считалась одним из самых опасных людей в городе. У нее были глубоко посаженные черные глаза и обветренная красно-коричневая кожа с морщинами под бровями и вокруг губ.

– Ты, наверное, голодная? – Маришка пересекла кухню и уселась напротив гостыи. К ее ногам подскочил кролик, она подхватила его и устроила на коленях. – Бусин, что там с едой?

– Одну минуту.

– Отлично. Ну и буря ночью была. Первый раз за год вдарило так вдарило. – Она устроилась в кресле. – Не хотелось бы оказаться где-нибудь далеко от дома в такую жуткую ночь.

Карис пожалала плечами. Бусин поставил на стол миску с болтуньей, заправленной помидорами, перцем и белой фасолью, на отдельной тарелке подал жареные лепешки.

– Помидоры мои собственные, их у нас завалилось сколько. – Маришка перегнулась через стол, выбирая лепешку. – Обязательно возьми немного с собой. Мне все их не съесть, а банки уже кончаются.

– Спасибо.

– Не за что. Ешь давай.

Последний раз Карис удалось чем-то перекусить вчера утром, поэтому она без стеснения наполнила себе тарелку. Над сдобренным кумином соусом мелкими завитками курился парок, а хлеб лоснился от масла и соли со сковородки. Она воткнула вилку в яичницу, и потек ярко-желтый желток.

Маришка с легкой улыбкой смотрела, как она ест, и гладила кроличьи уши.

– Я утром слышала занятную историю, – начала она.

– Мм? – отозвалась Карис с полным ртом маканого хлеба.

– Ночью в Трухачи, похоже, наведалься Заманка. Голая женщина вышла из моря, зазывая добрых жителей Сайкамита потанцевать под волнами.

Карис дожевала остатки лепешки и потянулась за следующей.

– Я не голая была, – сказала она.

Бусин у плиты фыркнул. Маришка лукавой птицей склонила голову набок.

– В куртке трудно плавать, – пояснила Карис, не меняясь в лице.

– Что ты вообще в море делала? Такое ощущение, что вы с Корёном собирались обойти весь берег пешком.

Карис многозначительно взглянула в спину Бусину. Маришка подняла бровь.

– Такой разговор, значит? – хмыкнула она.

– Я как раз собирался уходить. – Бусин переместил сковородку в раковину. – Приятного аппетита.

Маришка, легонько постукивая башмаком по ножке кресла, подождала, пока он уйдет. Под коротко обрезанными ногтями было черно; через стол Карис не могла разобрать, земля это или кровь.

– Итак, – продолжила старуха, – что с ним произошло?

Почему-то казалось, что все случившееся недавно было давным-давно. Карис вкратце описала поход на пляж, свои наблюдения, решение обыскать Святилище. Четко и сжато описала гибель Ослау, хотя в залитой солнцем кухне вспоминать обо всех этих мерзостях, подумалось Карис, все равно что заново испачкаться в нечистотах. Маришка слушала, не перебивая, машинально поглаживая по шерстке кролика.

– Считаешь, эти твари убили и остальных? – спросила она, когда Карис закончила.

– Уверена.

– И вы не нашли ни одного тела?

Карис сжала губы, затем помотала головой.

– О чем вы только думали, используя Святилище подобным образом?

Маришка откинулась на спинку кресла.

– Удобно, – сказала она. – Место пустовало.

– Вот только оказалось наоборот.

Второй мэр посмотрела на Карис из-под низко опущенных век.

– Похоже на то. Но я жила здесь в те годы, когда эфиритская чистка еще не достигла Сайкамиты. И знаю, какой была Лиликесс. Это на нее не похоже. Слишком чисто.

– В смысле?

– Просто не ее стиль, как мне кажется. В Скрипунах судачат, будто она использовала своих приверженцев как своего рода живые часы. – Ироничная полуулыбка. – Нижние этажи того ступенчатого колодца в прилив затапливало. Привяжи на каждом уровне по адепту, и по их смертям можно отсчитывать время. Так, во всяком случае, рассказывают. Я думаю, это практиковали в основном для определенных праздников. Или когда ей требовалось выпустить пар.

– Изобретательно.

– Театральщина. А в том, что описываешь ты, недостает... какой-то ритуальности, что ли. Кроме того, прости, но я сомневаюсь, что моих людей сожрал призрак Бхатума. – Глаза у Маришки сузились. – Ну так и что ты скрываешь?

Карис спокойно отпила глоток воды.

– Считаешь, я лгу?

– Во всяком случае, много недоговариваешь.

– Ну, если речь зашла о *тайнах*, – Карис выделила голо-
сом последнее слово, – то почему бы тебе не рассказать, что
за контрабанду вы возите?

Маришка растянула губы в улыбке, однако взгляд оста-
вался прежним.

– Ладно. Слыхала про некрат?

– Нет.

– Это такое изысканное лакомство. Происходит из Торай-
га, и вареслийское высшее общество по нему с ума сходит.
Слух достиг и наших берегов, возник спрос.

– Но что это такое?

– Маленькие желтые шарики, чем-то напоминают икру...
Бусин говорит, их делают похожими на святые дары, какие
ему приходилось принимать в детстве. Таким образом, они
изготавливают это добро, не привлекая внимания властей.
Вещество, я так понимаю, извлекают из останков Бхатума.

Карис поперхнулась.

– Что? Из трупов?!

Маришка отмахнулась рукой.

– Типа того. Штука явно галлюциногенная. И *очень* доро-
гая.

– Боги, если эфириты когда-нибудь узнают...

– Это только добавляет острых ощущений, уверяю тебя.
Ну и изначальная богохульная суть затеи. Итак, что еще ты
видела вчера вечером?

После того что ей сказала Маришка, Карис накрыло абсурдное видение капающей слюной вареслийской знати, с вилками и ножами в руках столпившейся вокруг гниющего трупа Бхатума. Она давно порвала со своей детской верой, но все равно эта картина била по нервам. Почему-то казалось, что уж кто-кто, а вареслийцы относятся к своим мертвым Вестникам с большим почтением.

– Там был вареслийский корабль, – сказала она, прогоняя из головы привидевшуюся жуткую картину. – Он потерпел крушение недалеко от берега, возле морских пещер. Думаю, перед смертью они тоже попали в Святилище. Я слышала эхо их голосов.

Маришка помолчала, переваривая новую информацию.

– Любопытно. И что, по-твоему, они там забыли?

– Я почти уверена, что один из них был послан.

– Ого, важная шишка. – Ее рука замерла на кроличьей спинке. – Интересно, этот кошмар они привезли с собой? Или кто-то его послал за ними?

Карис повела плечами, разминая затекшую шею.

– Меня это не касается.

– Тебе не интересно?

– Мне интересно, когда я получу денежки.

– Девочка моя, ты, как всегда, прагматична. – На этот раз улыбка Второго мэра была теплее. – Деньги поступят на твой счет к завтрашнему утру.

– С надбавкой за работу в опасных условиях.

– Я подкину на чай.

Карис взглянула на часы, понимая, что разговор подходит к концу.

– Кое-что еще, – сказала она. – Для решения личной проблемы мне нужен неболтливый правила, не связанный ни с Институтом, ни с Новой милостью. Найдешь мне такого? Плату за прием вычти из надбавки.

Маришка сверлила ее взглядом, но Карис тоже умела держать лицо. Чуть погодя Второй мэр кивнула:

– Найду, конечно, но это обойдется дороже, чем твоя надбавка. Двадцать процентов.

– Пятнадцать. – Карис подавила гнев.

Кролик дернул ухом.

– Двадцать, – неумолимо обрубил Маришка. – И это любовь.

– Хорошо. – Карис стиснула зубы и согласилась.

– Тогда посмотрим, что можно сделать. – Маришка спустила кролика на пол, а сама поднялась, кряхтя и потирая спину. – К вечеру адрес будет у тебя. Извини, я на минутку.

Пока Маришка ходила за помидорами, Карис сердито тарщилась в свою пустую тарелку. Мало того, что Второй мэр сознательно втянула ее в бхатумские дела, мало того, что эта работа чуть ее не убила, но забирать двадцать процентов? Пятую часть гонорара!

Кролик смотрел на нее внимательным и недобрый взглядом, подергивая розовым носом.

– Чего вылупился? – пробурчала Карис. – Я ничего не делаю.

Зверек почесал уши мягкими белыми лапками и попрыгал к внутренней двери. Карис поднялась неуклюже, ныли все мышцы. Ладно, если Ферайн сдержит слово, черт с ними, ее процентами. Тогда она сама сможет дать Маришке на чай.

– Вот, держи, – проворковала Маришка, вернувшись с плетеной корзинкой. – Как обещала.

– Спасибо, – мрачно поблагодарила Карис и потянулась к подарку, но Маришка отпустила ручку не сразу.

– Маленький совет, – произнесла она тоном добродушнее некуда. – Когда у кого-нибудь из моих людей заводятся тайны, мне интересно выяснить почему.

Карис сложила губы в тонкой улыбке.

– Хорошо, что я не одна из твоих людей. Бусину передай от меня за обед спасибо.

* * *

Солнце переместилось в сторону центра, старых городских кварталов Сайкамита – Института, школ, публичной библиотеки, банков. Улицы оставались по-прежнему оживленными. Карис свистнула гончака, на ее зов откликнулся какой-то седовласый и кривоногий. Ходьба не помогла разогнать застой в мышцах, к тому же сказывалась усталость, вчерашнее переутомление буквально прижимало к земле.

«Корён Ослау мертвый, – размышляла она, – а Маришке вроде бы до этого никакого дела». Не то чтобы Карис ожидала от нее бурных переживаний, но Ослау работал на Второго мэра с очень молодых лет. Это все-таки говорит о чем-то. Она поставила корзинку с помидорами на сиденье и приготовилась усесться сама. «С другой стороны, – подумала она вдруг, – Маришка не из тех, что выставляет напоказ свои чувства. Так что, возможно, она оплачет его наедине с собой».

Мозг без предупреждения пронзило огненной болью. «А что, если бы эти твари растерзали ее...» Она дернулась. Перед глазами пронеслись белые огни, кожу обожгло, и на миг реальный мир вокруг померк... перед внутренним взором мелькнул багровый коридор: стены, вздымающиеся и опадающие, словно сделанные из шелка, пол, блестящий, как мокрое стекло. Запах жженого сахара. Затем с упругим щелчком видение пропало.

Карис крепко зажмурилась и судорожно втянула носом воздух. Не сейчас. Боль уже уходила, оставляя неприятное покалывание изнутри глаз, вернулись уличные шумы. Сердце бухало как барабан. Не сейчас, не сейчас, не сейчас! Почему ему захотелось поговорить с ней? Из-за Святилища? Но откуда бы ему знать, он вроде бы не...

– Эй, с тобой все в порядке, милочка?

Карис открыла глаза ровно тогда, когда высокий бородатый мужик положил руку ей на плечо. Она шарахнулась

прочь.

– Отойди от меня.

– Чего грубить-то, я просто...

– Я тебе не милочка. – Она отвернулась от бородатого и взобралась на гончака. Кожу пощипывало, словно у нее жар. Перед глазами плавали красные помидоры. – Если бы мне требовалась помощь, я бы попросила.

– Да что с тобой такое?

Карис перегнулась вперед и шепнула гончаку адрес. Бородатый хмуро покачал головой.

– Сучка! – крикнул он вслед, когда гончак двинул в сторону Старого рынка.

Карис едва ли это услышала.

Глава 5

Старый рынок был главным базаром в нижней части города. Россыпь ларьков и уличных прилавков охватывала целых четыре квартала. Торговцы приходили и уходили, товары росли и падали в цене, а корабли везли и везли все новые. Специи, вино, духи из Вареслии, изделия ткачей и гончаров из Торайга, масло из Дулаша на севере, колдовские настойки из самого сердца Фале. Всегда бывало что-то новое на продажу, и улицы постоянно кишели людьми – от восхода до заката на базаре кипела бурная деятельность.

Карис торопливо пробиралась через толпу. До прихода Сабастера оставался примерно час, хотя интервал между Призывом и появлением эфирита не был определенным. Она надеялась, что успеет подготовиться. Охалка свежих гвоздик, бутылка рифового вина и нитка яшмовых бус уже куплены. На все это вместе ушло больше, чем Карис потратила на себя за три месяца.

Тетка, торговавшая кровью, годами держала место на Старом рынке – редкое постоянство на этом переменчивом торжище. Практикующих ритуалистов в Сайкамите хватало, а так как большинство магических формул Бхатума требовали наличия крови в качестве знака божественного одобрения, спрос на ее товар никогда не ослабевал. Всегда хмурая сгорбленная старуха почти не видела из-за катаракты, но пальцы

у нее ловкости не утратили. Она наполняла бурдюки из баков с кровью: рыбьей, бычьей, чаячьей, собачьей, акульей и – если правильный человек назовет нормальную цену – содержимым еще более дорогих вен.

Карис пристроилась в очередь за мальчишкой-посыльным с мышастыми волосами. Он нервно улыбнулся ей, но отклика не получил.

– Давай я перед тобой, а тебе за это десятку, – предложила она.

Мальчишка взвесил условия и, возможно, рискнул бы набавить цену, но ледяной взгляд Карис заставил его умолкнуть. Он кивнул и отошел в сторону, зажав в кулаке монету.

– Вам что? – спросила кровяная тетка у Карис.

– Два литра. Самой дешевой.

– Прекрасно, прекрасно.

Пергаментная рука торговли змейкой выскользнула из-под накидки, чтобы принять оплату, и старуха пошаркала к баку с бычьей кровью. Карис задавила желание поторопить ее, вместо этого она переложила свертки в другую руку, одновременно постукивая ногой по булыжникам. Отсюда до ее квартиры всего несколько минут. Времени навалом. Все будет хорошо.

Она окинула взглядом улицу и поморщилась. С виноторговцем разговаривала женщина в серебристо-серой униформе. Длинное пальто незнакомки пестрело сотнями металлических пластинок; их поверхность мутно блестела, как тем-

ное масло на воде. Половина головы у нее была выбрита, а кожу покрывали рубцы. Святая Новой милости. Они редко заглядывали на Старый рынок.

– Она тут весь день толчется, – сказал мальчишка-посыльный.

Карис оглянулась на него.

– И что делает?

Юнец слегка напыжился от ее внимания.

– Расследует. Разговаривает со всеми.

Святая отрывисто махнула виноторговцу, тот, явно не понимая сути, помотал головой.

– Я ее недавно подслушал, – продолжал мальчишка. – Она хочет знать, не видел ли кто-нибудь в городе новых вонючек.

Карис ощутила, как расплзается по плечам тревожное напряжение.

– Вареслийцев?

– Ага. Она сказала: «Любые подозрительные лица». И награда положена.

Карис сжала губы.

– В каком смысле подозрительные?

– Не знаю. Преступники, наверное. Выглядят странно. – Парнишка почесал голову. – Хотя мой папка сказал, они все такие. Мол, надо было Новой милости утопить их всех в гавани, пока они тут не освоились снова.

– Похоже, твой папка высокого мнения о Новой милости.

– Он говорит, мы должны быть благодарны, что они вы-

швырнули вонючек из Мерсии. Хотя не думаю, что ему нравятся глашатаи смерти.

Словно почувствовав внимание Карис, святая глянула в их сторону. Карис встретила ее взгляд спокойно, на лице у нее ничего не отразилось. Святая нахмурилась.

– На, опаздываешь куда-то? – Торговка кровью приковыляла к прилавку с раздутым бурдюком в руках. – Два литра бычьей.

Карис бросила играть со святой в гляделки и забрала бурдюк. Но ощущение, что та глядит ей в спину, не пропало.

– Спасибо, – сказала она торговке.

Когда она добралась до дома, солнце над Старым рынком уже садилось, и мостовую расчертили длинные и густые тени. Карильо подсунул ей под дверь уведомление об оплате жилья. Там же была записка от Маришки с адресом правилы и стандартное письмо от Чарпочты с просьбой забрать просроченную корреспонденцию. Наверняка опять вербовка в Новую милость – кто еще станет тратиться на использование зачарованной почтовой службы. Карис заперла дверь и сунула бумаги в стол.

Почувствовав темноту, загорелась прикроватная лампочка, когда хозяйка задернула шторы. Карис сновала по комнате. Отодвинула обеденный стол, чтобы освободить место на полу, схватила букет гвоздик и принялась без церемоний обрывать им лепестки. Уже скоро. Она рассыпала красное гвоздичное конфетти по полу, откусила узелок на яшмовой

нитке и разложила бусины поверх лепестков цветов.

Дороже всего обошлось рифовое вино. Напиток производили из сайкамитских медово-сладких серебристых кораллов, тех, что произрастали в заливе. Двести лет назад один из бывших городских Вестников разработал риф, превратив твердые кальцитовые заросли в лес съедобных, вырабатывающих нектар губок. Карис вынула из бутылки пробку и поставила вино на пол. Жидкость под стеклом клубилась бледным дымком.

Волосы на затылке зашевелились. Она чувствовала приближение Сабастера – по тому, как затрепетала Завеса, словно сердце маленького зверька. Карис скинула сандалии и стащила майку и шорты.

– Под контролем, – говорила она себе, – все под контролем.

Она взяла бурдюк с бычьей кровью и опустилась на колени внутри кольца из лепестков и бусин. Трясущимися пальцами никак не удавалось ухватить затычку. Наконец она выскочила с негромким «чпок». Закрыв глаза, Карис подняла сосуд над головой и опрокинула его содержимое себе на темя. Холодная кровь ручейками побежала у нее по груди и по спине, омывая ее кармином.

– Что за хрень?!

Карис едва не закричала. Слова прозвучали так громко, словно их произнесли в дюйме от ее уха. Она заозиралась, как безумная, но в комнате никого не было.

– Почему... почему ты в крови? – растерянно спрашивал Ферайн. – Где я? Это галлюцинация?

«Опять он».

Сердце бухало глухо. Почему она его слышит? Это плохо, очень плохо.

С подбородка капала кровь.

– Сабастер любит красное, – еле слышно произнесла она.

– Что?

На досках пола лежала ее тень. Тень двигалась, а Карис – нет. Руки у тени вскинулись, чтобы поднять себе волосы.

– Красное, – повторила она. – Красный цвет. Он доставляет ему удовольствие.

– Не понимаю, о чем ты. Это какой-то ритуал глашатаев смерти?

Нет, не совсем ее тень. Силуэт, казалось, плыл, раздавался в плечах, рос, а затем вновь уменьшался. Словно не в силах решить, чей он, кому он принадлежит.

– Он может появиться в любую секунду, – сказала Карис. – Что бы ты ни делал, не двигайся. Молчи. Понимаешь?

– Нет, вообще-то, ни единого...

– Заткнись, – прошипела она.

Лампа мигнула и погасла, в груди сделалось тесно. По комнате, взметая с пола лепестки, пронесся вихрь горячего влажного воздуха. Карис склонила голову и, едва не ломая пальцы, стиснула лежащие на коленях руки. От пола поднялся запах жженого сахара и машинного масла.

– Ты оказываешь мне честь, господин мой, – проговорила она сквозь зубы.

Сабастер был уже здесь. Восьмифутовое тело эфирита выгибалось, наподобие края чаши. Все три бледных лица, вялые, инфантильные, – одно на голове, другое на груди, третье в паху, – жили каждое само по себе. Остальную поверхность его тела покрывали матово поблескивающие сизые перья, крылья множества сотен птиц.

– Карис Эска... – прошептал он. Все три его лица говорили одновременно, но по-разному: первое боязливо, другое с угрозой, третье соблазнительно. От их негромкого хора воздух пошел рябью. – ...Покорная моей воле.

Перья на Сабастере затрепетали. Карис хранила неподвижность и молилась, чтобы Ферайн делал то же самое. В прошлый раз, год назад, Сабастер уже призывал Карис, но за минувшее время она успела подзабыть тот страх, который охватывал ее, когда он был рядом с ней, сейчас это было скользящее чувство страха – как волны, лижущие песок, как легкая перемена давления. Рядом с ним трудно было дышать.

– Чем я могу служить? – спросила она.

Сабастер не ответил – казалось, его отвлекла бутылка рифового вина. Он вытянул тело вперед, чтобы рассмотреть бутылку поближе. Карис не шелохнулась, даже когда между ними оставалось всего несколько дюймов.

Эфирит заворковал.

– Это подарок, – натянуто пояснила она. – Скромное и недостойное тебя подношение, господин мой.

– Оно... лишено милости, – шепнул он.

– Да.

Пернатый саван раздвинулся, из-под него проглянула жуткая, клубящаяся и влажно поблескивающая тьма – толстые, по-змеиному шевелящиеся узлы плоти. Из живота эфирита высунулась пятнистая серая конечность. Никаких ногтей, каждый тонкий палец сужался в одно черное острие. С редкостным изяществом он поднял бутылку и убрал ее в глубину перьев. Послышался хруст стекла.

– Это мелочь, не более, – выдохнул он под хруст. – Но они закладывают свое семя и трепещут в ожидании рождения. Мы следим за ними, мы ищем. Мы... готовимся.

Карис на секунду закрыла глаза, силясь удержать самообладание. Находясь так близко к Сабастеру, она ощущала бешеные потоки его чар, некую гнусную логику в основе его извращенной сути.

– Дозволено ли мне поддержать тебя в этих приготовлениях? – спросила она.

Он снова заворковал. Лицо в паху пускало с алебастрово-бледных губ желтые слюни.

– Я оставлю тебя, Карис Эска, – прошептал он. – Первая из моих вассалов, я награжу тебя, как никого другого. Ты будешь сопровождать меня во славе.

– Не понимаю.

Яшмовые бусины с грохотом попадали на пол. Карис не осмелилась отвести взгляд от Сабастера, но краем глаза уловила, как они, рассыпавшись, взмыли в воздух.

– Ты станешь орудием, которое переменит мир, – изрек он. – Высшим проявлением нашей воли. Иные мне не нужны.

Смысл сказанного был по-прежнему от нее далек, но направление разговора рождало дурные предчувствия. Красные бусины сделались текучими и аморфными и теперь плавали кольцами вокруг нее и эфирита.

– Ты ничем мне не обязан, – с опаской произнесла она. – Я еще не заслужила такой чести, господин мой.

Бусины сплотились, кольца стали уже. Она увидела, что камешки раскололись, образовав крохотные ротики, полные мелких красных зубов.

– Я тебя сохраняю, – продолжал Сабастер. – Недосыгаемой ни для скверны, ни для любой беды, в вечном служении мне.

Слова вошли в ее мозг как нож в масло.

– Ты отзовешь мой договор? – прошептала она.

Сабастер наклонился к ней ближе. Его второе лицо парило напротив ее лица, пуча широко раскрытые глаза.

– Непостижимая честь, – выдохнул он.

– Я ее не заслуживаю!

Паника едва не захлестнула Карис с головой. Рано, слишком рано! Если он призовет ее сейчас, все усилия окажутся напрасны.

– Позволь мне служить тебе здесь, мой господин. Я оты-

щу всех твоих врагов и искореню их. Позволь мне... позволь мне завоевать право на твою милость.

От его тела исходил липкий жар. Карис дышала неглубоко и часто; она чувствовала, что ее сейчас вывернет. Она кожей ощущала, как эфирит перебирает в уме уравнения, непостижимые логические выкладки и нечестивые формулы. Пожалуйста, безмолвно умоляла она, пожалуйста, не сейчас.

– Будь осторожна, Карис Эска, – прошептал Сабастер. – Твоя награда ждет тебя.

Сказав это, он ушел. Бусины со стуком упали на пол.

Карис рухнула ничком, уткнувшись лицом в ладони. В голове бухала кровь. Сабастер пока не собирался заявлять на нее права; он не отозвал договор. От облегчения руки и ноги у нее сделались ватными. Она выиграла время. Трудно сказать сколько – то ли годы, то ли всего лишь месяцы. Но – время. Пока еще можно все исправить.

– Карис? – Голос Ферайна заставил ее резко выпрямиться. Казалось, он донесся откуда-то из-за ее правого плеча. Она опустила руки на колени. – С тобой все хорошо?

Она едва не расхохоталась.

– А что, я настолько хорошо выгляжу?

– Честно говоря, меня сильно смущает кровь.

Она уставилась на собственную тень. Ощущение холодного давления в груди, отголосок давешнего жестокого головокращения, никак не проходило. Ферайн сейчас ничем не угрожал, но пережитый страх помнился слишком ярко. Ва-

реслиец опасен. Карис сжала кулак, чувствуя бороздки шрамов, оставленные Рассекателем времени. По крайней мере, Сабастер ничего не заметил. Она с трудом могла представить себе реакцию эфирита, обнаружившего привязанную к телу любимого вассала реликвию Бхатума.

– Со мной все в порядке, – сказала она. – Просто обычно я лучше подготовлена.

– К этому можно подготовиться? – Голос Ферайна сместился в сторону, влево. Он звучал чуть придушенно, сглаженный иностранный акцент перескакивал через гласные. – В смысле, кроме как заранее написать завещание? То, как оно говорило...

– Он, – автоматически поправила Карис. – Сабастер мужского пола. «Он», а не «оно».

– Они различаются?

– Эфириты? Да, конечно. И если для них это важно, то и для меня тоже. – Она поднялась на ноги, слегка пошатываясь. – Правильное обращение и почтительные формулировки не дают ему выпотрошить меня.

– А-а.

Боги, как она устала. Прямо не верилось, что за клятое Маришкино задание она взялась только вчера утром. Карис прошаркала к чулану и достала швабру с тряпкой.

– А Сабастер – твой... э-э... – Ферайн замялся, подбирая тактичные слова, – ...господин?

– Да, держатель моего контракта. Большинство людей ска-

зали бы «хозяин».

– Это он сделал из тебя глашатая смерти?

– Он.

Карис прошла к кухонной раковине и включила воду. За скрипели и застонали под давлением старые трубы, кран начал плеваться. Она прикрыла глаза. Пока жива. Есть еще время. Но тогда, на какой-то миг...

– Почему ты заключила с ним договор? – спросил Ферайн.

– Это, – она завернула кран и сунула конец швабры в раковину, – очень личный вопрос, Ферайн Талиаде. И кстати, о вопросах. Мне вот интересно, каким образом ты здесь, прямо сейчас, разговариваешь со мной?

Она отжала лишнюю воду и шмякнула тряпку на половицы.

– Точно не знаю, – замялся он.

– Точно не знаешь, – повторила она.

– Это получилось не специально.

Карис заставила себя успокоиться. «Помни про деньги». Как бы ни хотелось ей высказать Ферайну, что именно она думает о его умственных способностях, но рисковать из-за этого пятнадцать тысячами кретов она не собиралась. Карис повозила шваброй по красному месиву из крови и лепестков, размазав лужу еще больше. Треснувшие яшмовые бусины раскатились и собрались в щелях между половицами.

– Ладно, – сказала она. – Не важно... Мне завтра утром

к правиле. Там поправят.

– В посольство уже ходила?

Тряпка потемнела от крови. Карис с силой вжала ее в пол.

– Нет. Они скорее прислушаются к одному из своих. Лучше тебе поговорить с ними напрямую.

Спорить Ферайн не стал. Карис выполоскала тряпку, отчего вода в раковине сделалась мутно-розовой, и вернула ее на пол. Она старалась не думать об этом, но вареслийского посла убили в мерсийских водах... Войны и из-за меньшего начинались. И Ферайна это явно касалось лично, это же убили его людей, погибли его товарищи. Может, даже друзья. Разумеется, он хочет справедливости.

– Когда вылечишься, я расскажу тебе, как добраться до здания посольства, – пообещала она. – Просто... не хочу я с такими вещами связываться. Новая милость знает меня, и им может не понравиться, если... ну, как независимому специалисту мне лучше особо не высовываться.

– Конечно, – согласился он быстро, – я не хочу, чтобы у тебя были неприятности.

В его тоне сквозило напряжение, но не было ни намека на обиду. Карис оттерла остатки крови и выдернула затычку из раковины. С утробным бульканьем вода утекла, в мусорной сеточке застучали случайно попавшие в нее бусины. Карис отжала швабру и убрала ее в чулан. Строго говоря, она не обязана оправдываться перед ним. Что она вообще знает об этом человеке? Там, в Святилище, он согласился бы на

любые предложенные ею условия, сказал ровно то, что она хотела слышать. Оставшиеся бусины и лепестки она смела в совок. Что угодно, только бы ему выжить. Кряхтя, оттолкала стол на место, затем прошла по комнате, отдернула занавески и открыла окна. Солнце уже село, но небо снаружи еще светилось бледно-оранжевым. Карис облокотилась на подоконник, вдыхая воздух, который уже не пах Сабастером.

– У тебя приятный вид из окна, – заметил Ферайн.

На севере в вечернем свете мерцала кораллом, опалом и тусклой платиной чешуйчатая стена. Ветер доносил обрывки музыки. Тень пала на подоконник.

– Понимаешь, прежде я не бывал в Сайкамите, – пояснил он.

Старик на улице внизу поднял глаза и побледнел при виде залитой кровью Карис. Она показала ему неприличный жест.

– Не много потерял.

– Я думал, он считается новым сердцем Мерсии.

– Это не лучшим образом говорит о прочих частях страны. – Ветер пах рыбой и солью. Тень еще сильнее выползла за раму, отвлекая несовпадением с ее собственными движениями. Глядя на нее, Карис чувствовала себя так, будто выдула в одиночку полбутылки вина.

– А что Институт?

– А что он?

– У него неплохая репутация. Слышал, он на переднем

крае в области изучения всего, что связано с эфиридами.

– Я там не учусь, не знаю. – Карис пожала плечами.

Если Ферайна и расстраивало ее упорное нежелание отвечать на его вопросы, он удачно это скрывал. Тень убралась с подоконника, и когда Ферайн снова заговорил, тон его оставался непринужденным.

– Вопрос, возможно, покажется тебе странным... Но после того как ты опустила Завесу, был ли я... у меня этот момент несколько смазан... но ты слышала, как я говорил?

– Ты о том моменте, когда ты меня едва не утопил?

– Ой. – Пауза. – Проклятье. Я-то думал, это мне все приснилось.

Карис фыркнула:

– Для меня все было более чем реально.

– Прости.

– А что ты пытался сделать?

– Не знаю. Я был не совсем в себе, просто почувствовал... – Он осекся. Тень дернулась. – Я помню воду. Волны. Было темно, и я хотел... за что-нибудь уцепиться. Что ты делала в океане?

– Конструкты заблокировали пляж, а мне надо было как-то попасть обратно в Сайкамит.

– То есть ты плыла?!

– Да.

– Но это шесть миль как минимум. В темноте!

– Я выросла у моря. И я умею плавать.

– Не хуже Заманки. – В его тоне звучало восхищение пополам с недоверием. Сравнение напомнило Карис недавнюю беседу с Маришкой, и она поморщилась. Она выпрямилась, отчего все ноющее тело запротестовало, и закрыла окно.

– Течение было попутное, – объяснила она. – А когда доплыла до гавани, там уже риф разбивал волны.

– Я бы, наверное, даже в спокойную погоду утонул на первой же миле.

Она пожала плечами. Тень складками улеглась на пол.

– Карис, что я наделал? Это больше не повторится. Клянись.

Говорил он с такой уверенной убежденностью, что она ему инстинктивно не доверяла. При закрытом окне в квартире сделалось душно, жарко, тело все еще покрывала засохшая кровь, и больше всего сейчас ей хотелось ее смыть, но только когда она окажется одна. Поэтому Карис продолжала топтаться возле окна, измотанная, раздраженная и не понимающая, что делать.

– Если ты больше ничего не... – наконец вымучила она.

Долгая пауза.

– Не думаю, что у меня получится уйти, – произнес Феррайн.

– Извини?

– Это не в моей власти. – Слова прозвучали так, будто их из него клещами тянули. – Теперь, оказавшись здесь, я не знаю, выйдет ли у меня снова уйти. Я не знаю, как это

сделать.

Карис безмолвно прокляла Владычицу соленых вод и морских ежей.

– Понятно. То есть до завтрашнего утра ты никуда не денешься?

Снова пауза. Потом:

– Похоже на то.

Она стиснула зубы. Глупости: подумаешь, какой-то полумертвый вонючка увидит, как она моется! Или спит. По большому счету это вообще не играет роли.

– Ладно, – сказала она. – Мне все равно.

Но, несмотря на сказанное, наполнив ржавую ванну, Карис долго медлила, прежде чем раздеться. Ферайн затих, но она-то знала, что он здесь, и, стягивая через голову рубашку, покрылась мурашками. «Это вообще не играет роли». Она сторбилась в воде. Ей все равно.

Карис посмотрела на свою тень: та, неестественно узкая и какая-то вытянутая, едва ли принадлежала ее хозяйке.

Глава 6

Спала Карис плохо. Когда первые лучи солнца коснулись темной поверхности моря, она уже запирала дверь, собираясь к правиле.

Ферайн со вчерашнего дня говорил мало, но ощущение его присутствия – некая прохлада и как бы чуть потяжелевшая тень – служило постоянным и неприятным напоминанием о его вторжении. От неловкости Карис сделалась раздражительной; ведь, по правде, ей должно было быть все равно, а ей почему-то досаждало, что этот человек был в ее доме, видел ее уязвимой, видел Сабастера. Это не имело значения, и тем не менее она злилась, особенно из-за того, что у нее сложилось четкое впечатление: Ферайн и осознает эту ее неловкость, и старается при этом проявлять чуткость.

Встреча с правилой была назначена на шесть утра – времени добраться до места более чем достаточно. Маришка подыскала ей женщину из Верхнего города, звали ее Балуша, та принимала на дому. Балуша обещала ждать Карис по адресу, который она дала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.